

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХVIII.

1898.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1898.

ПОНЯТІЕ КРАСОТЫ ¹⁾.

Понятіе красоты принадлежит къ числу тѣхъ понятій, которыя обнимаютъ собою предметы не только весьма разнообразныя, но и претерпѣвающіе процессы измѣненія независимо отъ требованій нашего разсудка. А свойство всѣхъ такихъ понятій состоитъ въ томъ, что создаваемое ими разграниченіе предметовъ въ *дѣйствительномъ* существованіи этихъ предметовъ постоянно нарушается. Само по себѣ это фактическое нарушеніе границъ, установленныхъ нами для предметовъ, конечно, еще не мѣшало бы ихъ разграниченію для нашей мысли, если бы измѣненіе предметовъ происходило независимо отъ свойствъ, указываемыхъ ихъ понятіями. Но дѣло въ томъ, что, совершаясь даже при участіи внѣшнихъ причинъ, такое измѣненіе непременно свидѣтельствуеетъ и о благопріятныхъ для него задаткахъ въ самой природѣ предмета. Мы различаемъ, на примѣръ, *движущееся* отъ *покоящагося*, *теплое* отъ *холоднаго*, *живое* отъ *мертваго*. Но на нашихъ глазахъ движущееся дѣло останавливается, теплое охлаждается, живое умираетъ. Такое превращеніе, и притомъ по большей части превращеніе даже *видимо* постепенное, доказываетъ, что есть *нѣчто общее*, взаимно-переходящее, въ движеніи и покоѣ, теплѣ и холодѣ, жизни и смерти; то-есть, что необходимо опредѣлять эти понятія такъ, чтобы въ содержаніи каждаго изъ нихъ оставалась *возможность* перехода въ его противоположность. Если, поэтому, первое, непосредственное опредѣленіе понятій есть опредѣленіе *отличающее, разграничивающее* ихъ, то послѣднее, окончательное ихъ опредѣленіе есть опредѣленіе

¹⁾ Сообщение, читанное въ философскомъ обществѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 27-го марта 1898 года.

связывающее, примиряющее. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ результатѣ развитія науки получаютъ такія понятія, въ которыхъ разрѣшаются первоначальныя противоположности ихъ, или, по крайней мѣрѣ, открывается надежда на такое разрѣшеніе. Пріобрѣтеніе, сохраненіе и потеря движенія оказываются частными случаями одного и того же общаго закона; то же справедливо о согрѣваніи и охлажденіи тѣлъ; и, можетъ быть, будетъ найденъ напослѣдокъ и такой общій законъ, слѣдовательно такое общее понятіе, которое свяжетъ и примиритъ, какъ свои частные случаи, понятія живаго и мертваго.

Обращаясь къ понятіямъ, считающимся наиболѣе родственными понятію красоты, мы находимъ и въ нихъ, во-первыхъ, первоначальную ступень рѣзкаго раздѣленія противоположностей и, во-вторыхъ, если не достигнутую, то, по крайней мѣрѣ, желаемую и чаемую ступень конечнаго разрѣшенія и примиренія этихъ противоположностей. Эти понятія суть понятія *истины* и *добра*. Что для непосредственнаго, ближайшаго опредѣленія можетъ быть рѣзче противоположностей *истины* и *зablужденія*, *добра* и *зла*? И, безъ сомнѣнія, истина не есть заблужденіе, добро не есть зло, также точно, какъ движеніе не есть покой, а жизнь не есть смерть. Но какъ въ дѣйствительномъ существованіи вещей движеніе переходитъ въ покой, а жизнь въ смерть, такъ въ дѣйствительномъ существованіи человѣческаго духа совершается непрерывный кругооборотъ истины и заблужденія, добра и зла, который былъ бы непонятенъ, если бы между истинною и заблужденіемъ, добромъ и зломъ не было общенія и взаимнаго перехода. Живая, присущая человѣку истина есть истина становящаяся или развивающаяся, то-есть переходящая изъ состоянія менѣе совершеннаго въ состояніе болѣе совершенное. Сама по себѣ несовершенная истина еще не есть заблужденіе, если человѣкъ ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ степени ея несовершенства. Но такое мудрое самоограниченіе мысли возможно лишь въ отношеніи къ истинамъ частнымъ, съ которыми имѣетъ дѣло специальная наука. Въ области же философіи всякая истина непременно стремится получить значеніе всеобщее, объять собою весь кругъ познанія. Стремленіе это необходимо, такъ какъ безъ него нѣтъ философіи. Но будучи необходимо, оно съ необходимостью же приводитъ къ заблужденіямъ, расширяя приложеніе ученій, вѣрныхъ для нѣкоторой части явленій, на всю ихъ область. По *положительному* своему содержанію каждое философское ученіе истинно; но оно становится ложнымъ по расширенію своему далѣе своихъ законныхъ границъ. И, однако, это рас-

шареніе необходимо вытекаетъ изъ самой задачи философіи, вслѣдствіе чего въ ея исторіи истина постоянно порождаетъ заблужденіе. Съ другой стороны, заблужденіе, необходимо возникающее на данной ступени развитія философіи, столь же необходимо становится задаткомъ новой, болѣе совершенной истины, такъ какъ сознаніе этого заблужденія приводитъ къ необходимости отречься отъ мнимой всеобщности прежняго ученія и, сохраняя его положительную цѣнность, ввести его въ составъ ученія болѣе широкаго, болѣе удачно разрѣшающаго и примиряющаго противоположности прежнихъ ученій. Поэтому, если мы предположимъ достиженіе философіею ея конечной цѣли — установленіе дѣйствительно-всеобщей, всеразрѣшающей истины, — то отношеніе послѣдней къ заблужденію окажется иное, чѣмъ то, которое такъ ясно для первоначальнаго, непосредственнаго понятія истины. Первоначальное понятіе истины отстраняетъ, отрѣшаетъ отъ нея заблужденіе. Конечное же понятіе объясняетъ необходимость происхожденія заблужденія изъ самаго развитія истины и вмѣстѣ разрѣшаетъ это заблужденіе, то-есть дѣлаетъ его невозможнымъ. Заблужденіе оказывается необходимымъ спутникомъ спора между частными истинами, изъ которыхъ каждая стремится — и *должна* стремиться, такъ какъ въ этомъ *жизнь* философіи — стать истиною всеобщею. Коль скоро такая всеобщность дѣйствительно достигнута, или въ той мѣрѣ, въ какой она достигнута, этотъ споръ разрѣшается, а съ нимъ вмѣстѣ разрѣшается и противоположность истины и заблужденія.

Едва ли нужно подробно доказывать, что такого же конечнаго разрѣшенія и примиренія требуетъ и первоначальная, непосредственная противоположность понятій добра и зла. Доброе есть то, что *должно* быть, а злое — то, чего *не должно* быть. Но уклоненіе отъ должнаго, какъ бы оно ни было преступно, во всякомъ случаѣ имѣетъ одно неотъемлемое право — право на объясненіе его причинъ. Вдаваясь же въ это объясненіе, мы находимъ, что свойства и мѣра такого уклоненія всегда строго соразмѣрны степени несовершенства того, что въ данное время считается должнымъ, добрымъ. Чѣмъ несовершеннѣе теоретическія основы и практическія приложенія существующаго въ данное время круга нравственныхъ обязанностей, то-есть, съ одной стороны, чѣмъ произвольнѣе и догматичнѣе выставляются ихъ правила, а съ другой — чѣмъ менѣе обращается вниманіе на воспитаніе и поддержку неарѣлой и слабой воли къ соблюденію этихъ правилъ, тѣмъ болѣе и уклоненій отъ должнаго, то-есть тѣмъ болѣе зла. И это

зло служить такъ же условіемъ усовершенствованія теоріи и практики добра, какъ философское заблужденіе служить стимуломъ развитія и усовершенствованія философской истины. Поэтому, какъ совершенная истина не только отстраняетъ заблужденіе, но объясняетъ и разрѣшаетъ его, такъ и совершенное добро не только отрицаетъ и преслѣдуетъ зло, но разрѣшаетъ его и исторически оправдываетъ его, какъ условіе усовершенствованія самаго добра.

Итакъ въ понятіяхъ, сопредѣльныхъ понятію красоты и обыкновенно поставляемыхъ съ нимъ въ связь, мы несомнѣнно должны различать ступень первоначальной, непосредственной отдѣльности отъ того, что имъ противоположно, и ступень конечнаго разрѣшенія и примиренія этой противоположности. Назовемъ первую ступень *понятіемъ* въ собственномъ значеніи этого слова, а для второй ступени—не гоняясь за историческою точностью такого словоупотребленія—примемъ терминъ *идея*. Тогда мы можемъ сказать: въ *понятіяхъ* добра и истины мы мыслимъ ихъ отрѣшенными, отдѣленными отъ зла и заблужденія; въ *идеяхъ* же ихъ мы мыслимъ ихъ объяснившими, разрѣшившими и побѣдившими зло и заблужденіе. Вопросъ теперь не въ томъ, въ какой мѣрѣ эти идеи осуществимы, то-есть достижима ли такая полнота добра и истины, при которой совершенно подсѣкаются корни зла и заблужденія. Если—по крайней мѣрѣ для человѣчества въ его земной жизни—она достижима лишь отчасти, то это все же нисколько не препятствуетъ мыслить идеи добра и истины, какъ тѣ цѣли, къ которымъ направляется развитіе человѣческой мысли и воли, постоянно и въ предѣлахъ возможнаго приближаясь къ ихъ осуществленію. Занимающій насъ теперь вопросъ сводится лишь къ тому, въ правѣ ли мы допустить такое же различіе двухъ ступеней и въ понятіи красоты.

Какъ истина противопологается заблужденію, а добро—злу, такъ *красота* противопологается *безобразію*. Отличеніе и раздѣленіе этихъ двухъ понятій логически необходимо. Но осуществить рѣзкость этого раздѣленія въ живой дѣйствительности и въ самомъ процессѣ развитія эстетическихъ опредѣленій оказывается столь же невозможно, какъ и въ области нравственной и познавательной. Развитіе красоты также необходимо происходитъ отъ несовершеннаго къ совершенному; и какъ несовершенство истины и добра, не будучи еще само по себѣ заблужденіемъ и зломъ, порождаетъ заблужденіе и зло, такъ и несовершенная красота, не будучи еще сама по себѣ безобразіемъ, заключаетъ въ себѣ источникъ его происхожденія. Несовершенная красота, полагаясь нормою для эстетическаго сужденія, непремѣнно огра-

ничиваетъ его, исключая изъ своего круга такое содержаніе, котораго она не въ состояніи осилить. Такимъ образомъ, это содержаніе осуждается на безобразіе вслѣдствіе ограниченности существующей эстетической нормы, которая, останавливая тѣмъ самымъ прогрессъ искусства, сама становится преградю развитія красоты. И эта противоположность, необходимо возникающая, требуетъ своего разрѣшенія въ болѣе высокой эстетической ступени, примиряющей въ себѣ то, что для низшей ступени было порознено, и претворяющей прежнее безобразіе въ новую, высшую красоту. Исторія искусства полна примѣровъ такого принятія въ новый канонъ красоты того, что съ точки зрѣнія прежняго канона было объявляемо за безобразіе. И отсюда естественно также возникаетъ понятіе всесовершенной, всепримиряющей красоты, какъ въ областяхъ истиннаго и добраго возникаютъ понятія всесовершенныхъ истины и добра; то-есть, возникаетъ различіе *идеи* красоты отъ *понятія* ея въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Къ сказанному я считаю нужнымъ прибавить, что это различіе въ двухъ способахъ пониманія красоты—съ одной стороны, какъ чего-то исключающаго изъ себя безобразіе, а съ другой—какъ принимающаго въ себя, разрѣшающаго и претворяющаго его въ высшую красоту, не представляетъ собою въ эстетикѣ ничего новаго. Его можно найти въ сочиненіяхъ, написанныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и, притомъ, принадлежащихъ авторамъ разнообразныхъ направленій. Такъ, на примѣръ, *Вейссе*, ученіе котораго представляетъ собою гегелианизмъ, видоизмѣненный и восполненный вліяніемъ Шеллинга, различаетъ собственно *красоту*, какъ первоначальный продуктъ безсознательно-дѣйствующей фантазіи, отъ *идеала*, какъ красоты, прошедшей чрезъ отрицаніе ея въ безобразіи и преодолевшей это отрицаніе. Эстетика Вейссе вышла въ свѣтъ въ 1830 году. Съ другой стороны, гербартианецъ *Циммерманъ*, эстетика котораго относится къ 1865 году, выражается такъ: „Прекрасное въ процессѣ гармоническаго одухотворенія принимаетъ въ себя безобразное, какъ видимость, которая сама себя разрушаетъ“. По *Гартману*, который въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководству *Шаслера*, всякая низшая ступень красоты, чрезъ преодоленіе соответствующаго ей безобразія, поднимается на высшую степень, воспринимая въ себя большее число *характеристическихъ* чертъ. Поэтому, если въ новѣйшее время слышатся голоса, указывающіе на то, что искусство не можетъ остановиться на красотѣ, какъ она опредѣляется ея непосредственнымъ,

первоначальнымъ понятіемъ, то это совершенно вѣрно: такое искусство было бы лишено серьезной цѣли и истинно-идеальнаго характера. Но это мнѣніе нисколько не ново, потому что оно было высказано уже десятки лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, выводить отсюда, какъ это дѣлаетъ *графъ Толстой*, что искусство вовсе не имѣетъ цѣлью красоты, значить останавливаться на первоначальномъ, низшемъ пониманіи красоты, не пытаясь возвыситься до ея идеи.

Все сказанное мною клонится собственно къ тому, чтобы опредѣлить границы моего сегодняшняго сообщенія. Это сообщеніе имѣетъ своимъ предметомъ не *идею* красоты, а ея *понятіе* въ собственномъ значеніи этого слова; то-есть задача его состоитъ не въ томъ, чтобы всестороннимъ и всеразрѣшающимъ образомъ объять всѣ противоположности, возникающія въ человѣческомъ духѣ, когда въ немъ совершается процессъ эстетическаго развитія, а въ томъ, чтобы указать признаки, которыми отличается красота отъ своей противоположности—безобразія. Это пониманіе красоты есть первоначальное или низшее; но оно необходимо, какъ *начало* эстетики, точно также, какъ *идея* красоты необходима, какъ ея *конецъ* или *результатъ*. Предполагая ввести присутствующее собраніе въ кругъ моихъ мыслей объ эстетикѣ, я, конечно, долженъ начать съ *начала*, а не съ *конца*.

Природа есть *являющійся* намъ міръ, то-есть міръ, какъ предметъ нашей чувственности. Содержаніемъ чувственности, то-есть тѣмъ, въ чемъ намъ даны явленія міра, служатъ разнообразныя *качества* природы, какъ-то цвѣта, фигуры, движенія, звуки, вкусы, запахи, состоянія температуры и т. п. Эти качества природы, въ ихъ существованіи *для насъ*, какъ воспринимающихъ существъ, называются *ощущеніями*. Такимъ образомъ, природа, кратко, можетъ быть опредѣлена какъ то, что нами ощущается ¹⁾. Ощущеніе, какъ таковое, есть, однако, лишь *начальная ступень* нашего отношенія къ природѣ. Вторую ступенью этого отношенія является возникающее въ насъ различеніе *ощущающаго* и *ощущаемаго*, *вещества* и *души*. Поводомъ къ такому различенію служить то, что въ числѣ ощущаемыхъ нами качествъ

¹⁾ Это опредѣленіе природы нисколько не измѣняется отъ того, что мы имѣемъ съ нею дѣло не только черезъ непосредственное воспріятіе ощущеній, но и чрезъ воспроизведеніе ихъ въ представленіяхъ, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ мы относимся къ природѣ, какъ къ предмету нашего ощущенія, только не настоящаго, а прошлаго.

имѣется соединенное съ ними въ общемъ актѣ воспріятія качество *сопротивленія*, которое внушаетъ намъ убѣжденіе въ существованіи нѣкоторой внѣшней, отдѣльной и независимой отъ насъ среды, а тѣмъ самымъ вызываетъ представленіе и о насъ, какъ дѣйствующихъ въ этой средѣ существахъ, *воля* которыхъ то преодолеваетъ ея сопротивленіе, то подавляется имъ. Вслѣдствіе того, первоначальная непосредственная цѣлостность ощущенія, а съ нею вмѣстѣ и первоначальная цѣлостность природы, разлагаются для нашего мышленія на два фактора—*вещественный* и *психическій*. Образовавши же ихъ понятія, мы лишаемъ самое ощущаемое качество его самостоятельности, понимая его, какъ результатъ взаимодействія вещества и души. Такъ слагается опытный взглядъ на природу, какъ на состоящую изъ *вещей* и изъ *душъ*, ощущающихъ эти вещи подъ символами извѣстныхъ качественныхъ состояній ¹⁾).

Позволительно, однако, задать себѣ вопросъ, мыслимы ли такія условія, при которыхъ воспріятіе ощущаемыхъ качествъ природы не приводило бы непременно къ потерѣ ихъ самостоятельности, но они продолжали бы существовать въ своей непосредственной цѣлостности. Предположимъ, что ощущеніе дано нашему сознанію безъ всякаго *сознаваемого* нами вмѣстѣ съ нимъ сопротивленія, а стало быть и безъ сознаваемого нами усилія. Въ такомъ случаѣ оно представилось бы намъ *безвещественнымъ*, а равно не вызывающимъ и напряженія нашей *воли*, какъ бы предносящимся намъ *чистымъ призракомъ*. Качество такого ощущенія не разложится, какъ таковое, для нашего сознанія на вещество и душу, но останется для насъ чистымъ и цѣлостнымъ чувственнымъ состояніемъ.

Существуютъ ли такія чувственныя состоянія, мы пока не рѣшаемъ. Но *если* они существуютъ, и въ той мѣрѣ, въ какой они существуютъ, то, поскольку они, какъ таковыя, не вызываютъ дальнѣйшаго движенія мышленія и воли въ смыслѣ раздѣленія ощущаемого на *вещественный* и *психическій* элементы, на содержаніи этихъ чувственныхъ состояній мы *удовлетворяемся*, то-есть довольствуемся его *созерцаніемъ*, не спрашивая о дальнѣйшихъ его результатахъ. Ибо въ томъ и состоитъ свойство сказанныхъ состояній, что они не приво-

¹⁾ Это раздѣленіе, очевидно, нисколько не зависитъ отъ того, какія теоріи мы образуемъ о веществѣ, то-есть признаемъ ли въ немъ постоянный пассивный субстратъ, именуемый *матерією*, или же объемлемъ всѣ его свойства общимъ терминомъ „энергія“.

дять ни къ теоретическому вопросу о ихъ вещественныхъ и духовныхъ причинахъ, ни къ практическому вопросу о столкновеніи интересовъ нашихъ души и тѣла съ другими душами и тѣлами. Мы просто *довольствуемся* ими, то-есть, поскольку довольствоваться можно лишь тѣмъ, что намъ пріятно, *наслаждаемся* погруженіемъ въ ихъ созерцаніе. Вполнѣ возможно, что такой предметъ непосредственного (по Канту „незаинтересованнаго“) наслажденія вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретически поучителенъ и практически полезенъ; но эти результаты могутъ выясниться лишь для послѣдующихъ мышленія или дѣятельности, самое же воспріятіе предмета, какъ таковое, не заключаетъ въ себѣ повода къ выходу изъ непосредственного, цѣлостнаго его созерцанія.

Такое отношеніе наше къ предмету воспріятія есть отношеніе эстетическое, а свойство предмета вызывать это отношеніе — есть красота.

Изъ изложеннаго явствуется, что, эстетически относясь къ предмету, мы имѣемъ дѣло не съ его *дѣйствительностью*, какъ она устанавливается *опытной наукою*. Быть можетъ—я пока не останавливаюсь на этомъ вопросѣ — мы имѣемъ тутъ дѣло съ какою-нибудь *другою* дѣйствительностью; но эта другая дѣйствительность не та, которая существуетъ для опытной физики или психологіи. Опытная дѣйствительность ощущаемаго состоитъ въ его *вещественномъ* или *психическомъ* характерѣ. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мы въ данномъ случаѣ не сталкиваемся, такъ какъ предметъ эстетическаго созерцанія не сознается нами, какъ сопротивляющійся намъ, а стало быть и отъ насъ не требуетъ сознательнаго усилія для преодоленія его сопротивленія. Слѣдовательно, онъ *невещественъ* и, не сопровождаясь сознательнымъ актомъ нашей воли, не внушаетъ намъ понятія и о *душевной дѣятельности*. Поэтому, въ актѣ эстетическаго созерцанія мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ, что, съ точки зрѣнія опытной науки, дѣйствительно существуетъ, а лишь съ тѣмъ, что *является* или *показывается*, съ *видимостью* или *показностью* (Schein). На такомъ свойствѣ красоты основано и дѣйствіе *искусства*, которое создаетъ *кажущіеся* предметы или, иначе, *изображенія* предметовъ. Коль скоро является интересъ къ опытной дѣйствительности предмета, то эстетическое отношеніе къ нему прекращается. Такъ, напримѣръ, морская буря или сраженіе не могутъ быть предметами эстетическаго наслажденія, если ихъ *дѣйствительность* вызываетъ въ насъ чувство страха за себя или за другихъ. Но если въ насъ есть настолько душевной

силы, что мы свободны отъ страха во время бури или сраженія, или если мы созерцаемъ ихъ изъ безопаснаго мѣста и совершенно равнодушны къ участи погибающихъ людей, то это зрѣлище можетъ быть для насъ предметомъ эстетическаго наслажденія.

То, что неведественно и не вызываетъ напряженія нашей воли, съ опытною *дѣйствительностью* чего мы не должны сталкиваться и считаться ни теоретически, ни практически, есть, по этой самой причинѣ, нѣчто совершенно отрѣшенное отъ нашего тѣлеснаго и духовнаго существа, то-есть нѣчто *совершенно объективное*. *Прекрасное есть совершенный или чистый объектъ*. Въ созерцаніи этого чистаго объекта наша субъективность, содержаніе нашего „я“, какъ бы исчезаетъ, поглощаясь въ цѣлостномъ удовлетвореніи предметомъ созерцанія. Если бы красота не оказывала на насъ такого захватывающаго, поглощающаго дѣйствія, то-есть если бы содержаніе нашего „я“, сохраняясь въ актѣ ея созерцанія, противостояло ей въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто самостоятельное, то въ этомъ актѣ сохранялась бы наша субъективность, съ которою прекрасное должно бы было вступать въ нѣкоторыя отношенія, само проникаясь вслѣдствіе того субъективными оттѣнками. Такимъ образомъ, въ понятіи красоты, какъ чистаго объекта, данъ непремѣнно признакъ поглощающаго, захватывающаго насъ дѣйствія, *забвенія себя чрезъ погруженіе въ созерцаніе прекраснаго*.

Совершенная объективность, совершенный захватъ насъ самихъ красотою, таковы не для нашей мысли, но для нашего *чувственнаго созерцанія*. Предметъ этого созерцанія, не будучи вещественъ и поглощая нашу волю, предстоить намъ, именно по такому поглощающему своему дѣйствію, какъ нѣчто *внѣшнее*, предносящееся намъ, не объемлемое нашею объективною жизнью съ ея страстями и волненіями. Поэтому, хотя прекрасный предметъ не вещественъ, онъ непремѣнно *тѣлесенъ*, онъ есть часть *внѣшней* относительно насъ природы, занимаетъ мѣсто въ ея пространствѣ. *Показывать* что-либо чувственному созерцанію можно лишь изъ области тѣлеснаго. *Духовная* красота можетъ быть такою по (привносимому въ нее по ассоціаціи) *содержанію*, но не по *изображенію*, которое непремѣнно тѣлесно. Можно, поэтому, сказать, что красота всегда дана намъ въ *тѣлесномъ образѣ*, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы подъ словомъ „образъ“ не подразумѣвать непремѣнно *фигуры*. Звуки, напримѣръ, не имѣютъ фигуръ; да и цвѣта, хотя связаны съ фигурами, сами по себѣ представляютъ нѣчто отъ нихъ особое. При такомъ ограниченіи, нѣтъ препятствія сказать, что красота всегда дана въ тѣлесномъ образѣ.

Итакъ, выяснившіеся теперь признаки красоты суть *показность*, *совершенная объективность* и *тѣлесный образъ*. Прежде, чѣмъ пойдти далѣе, я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ въ поясненіе изложеннаго опредѣленія красоты:

1) Относя прекрасное къ области показности, я имѣю въ виду *составъ* красоты изъ ея чувственныхъ элементовъ. Если несомнѣнно, что эти чувственные элементы, то-есть ощущаемыя качества, суть не принадлежности вещей и душъ, какъ таковыхъ, а лишь способы созерцанія вещей душами, то несомнѣнно, что эти элементы существуютъ лишь въ показности. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы красота, по ассоціаціи, не могла вступать въ связь съ дѣйствительностью и служить для ея характеристики. Такъ постоянно происходитъ въ искусствѣ, изображенія котораго, безъ сомнѣнія, знакомятъ насъ съ дѣйствительными состояніями и свойствами вещей и душъ. Отсюда нерѣдко дѣлается выводъ, что самое опредѣленіе красоты, какъ показности, ложно, но что необходимо въ ея опредѣленіи принимать во вниманіе и дѣйствительность. Но на это я замѣчу, что возникновеніе искусства и послѣдствія его въ отношеніи измѣненія понятія красоты выходятъ за предѣлы моего теперешняго сообщенія. Я имѣю теперь въ виду красоту въ ея первоначальномъ, элементарномъ видѣ, не осложненномъ ассоціаціонными прибавками; только къ такой красотѣ относится непосредственно изложенное мною опредѣленіе.

2) Признакъ совершенной объективности красоты, повидимому, не ладится съ ея поглощающимъ дѣйствіемъ на субъекта. Если субъектъ поглощенъ, то-есть его больше нѣтъ, то, повидимому, нѣтъ больше и объекта, такъ какъ объектъ соотносителенъ субъекту и данъ всегда въ противоположности съ нимъ. Но нужно имѣть въ виду, что признакъ поглощающаго или захватывающаго дѣйствія красоты на субъекта выражаетъ собою не столько совершившійся фактъ, сколько общую тенденцію эстетическаго созерцанія, или, выражаясь точнѣе, тотъ предѣлъ, до котораго стремится дорасти это созерцаніе. Полное фактическое достиженіе этого предѣла едва ли осуществимо въ дѣйствительности, а если и осуществимо, то развѣ на весьма краткій срокъ. Но чѣмъ совершеннѣе красота, тѣмъ болѣе мы погружаемся въ нее, отрѣшаясь отъ своихъ субъективныхъ состояній; и потому мысля красоту всесовершенную, вполнѣ соответствующую своему понятію, мы мыслимъ полное исчезновеніе въ ней нашей субъективности. Поэтому, хотя вмѣстѣ съ исчезновеніемъ субъекта исчезаетъ и объектъ,

но поскольку это исчезновеніе мыслится нами, какъ предѣлъ или высшая ступень исчезанія субъекта въ объектѣ, мы характеризуемъ красоту названіемъ совершеннаго объекта, дабы выразить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между объектомъ и субъектомъ въ самомъ *процессѣ* нарастающаго эстетическаго созерцанія.

3) Отрицаніе вещественности красоты нисколько не есть отрицаніе ея тѣлесности. Признакъ тѣлесности нисколько не сопряженъ неразрывно съ вещественностью. Мы можемъ, напримѣръ, мыслить геометрическое тѣло, то-есть тѣло безъ вещества. Можемъ мыслить и *видимые празраки*, лишенные всякой вещественности. Съ другой стороны, признаніе всякой красоты тѣлесною есть необходимое послѣдствіе признанія ея чувственнаго характера, а также необходимое условіе сколько нибудь опредѣленнаго ограниченія эстетической области. Если распространять терминъ красоты на предметы, не данные намъ въ тѣлесныхъ образахъ, то исчезаетъ различіе между красотой, съ одной стороны, и истиною и добромъ съ другой, потому что тогда не окажется препятствія находить красоту и въ отвлеченныхъ истинахъ науки и въ правилахъ добраго поведенія. Истина и добро могутъ быть и прекрасны, но лишь при томъ условіи, если онѣ показаны намъ *наглядно*, то-есть въ образѣ, въ *тѣлесномъ очертаніи*.

Сказанные признаки красоты были выведены изъ предположенія существованія такихъ ощущеній, воспріятіе которыхъ не связано съ *сознаваемымъ* нами усиленіемъ. Я прошу обратить вниманіе на прибавку слова „сознаваемымъ“. Всякое воспріятіе предполагаетъ непремѣнно работу организма, слѣдовательно, усиліе. Но это усиліе можетъ не быть сознательнымъ. Теперь естественно возникаетъ вопросъ, возможны ли такія ощущенія. Отвѣчать на этотъ вопросъ безусловнымъ утвержденіемъ психологія едва-ли въ правѣ. Правда, могутъ быть—и въ каждый данный моментъ во множествѣ бываютъ—бѣглыя и случайныя ощущенія, не останавливающія на себѣ нашего вниманія, слѣдовательно, такія, въ теченіе которыхъ элементъ сознательнаго усилія можетъ считаться величиною, не стоящею принятія въ расчетъ. Но эстетическія ощущенія не таковы: какъ прекрасныя, привлекательныя, они, напротивъ того, въ высшей степени сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе. Поэтому, если эстетическое созерцаніе не сопровождается *сознаваемымъ* нами напряженіемъ воли, то это можетъ зависѣть не отъ бѣглости входящихъ въ составъ такого созерцанія ощущеній, а отъ указаннаго выше захватывающаго, поглощающаго его дѣйствія на волю. Мы не сознаемъ

совершаемаго нами усилія во время созерцанія красоты по той причинѣ, что сознание этого усилія исчезаетъ въ испытываемомъ нами полномъ и цѣлостномъ удовлетвореніи. Что состояніе эстетическаго содержанія заглушаетъ лишь *сознаніе* работы, сама же она совершается при этомъ нерѣдко даже съ усиленною напряженностью, доказывается какъ *усталостью*, испытываемою нами послѣ мощнаго, властнаго и продолжительнаго впечатлѣнія красоты, такъ и возбужденіемъ къ усиленнымъ движеніямъ подъ вліяніемъ музыкальнаго ритма. Музыка облегчаетъ и даже вызываетъ ритмическія движенія именно потому, что при ней они требуютъ *меньшаю напряженія произвольнаго вниманія къ ихъ совершенію*, но происходятъ какъ бы сами собою, машинально, дѣйствіемъ непроизвольной ассоціаціи.

Засимъ, рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ это поглощеніе сознательнаго усилія красотою можетъ быть полнымъ, и не остается ли *всегда* въ актѣ эстетическаго созерцанія извѣстная примѣсь такого сознательнаго усилія,—есть уже дѣло опытной психологіи. Вполнѣ возможно, и даже правдоподобно, что для насъ, по условіямъ нашей организаціи, мыслимо лишь *приближеніе* къ эстетическому созерцанію, но не полное его достиженіе. Если это такъ, то красота оказывается, стало быть, нѣкоторымъ *идеаломъ*, допускающимъ лишь приблизительное его осуществленіе; или, иными словами, по условіямъ нашей организаціи, мы должны, вмѣсто безусловной красоты, довольствоваться красотою лишь приблизительною, всегда осложненною примѣсями не-эстетическаго свойства. Если во всѣхъ прочихъ областяхъ своей духовной жизни, и въ наукѣ, и въ нравственности, человѣкъ осужденъ лишь на *приближеніе* къ идеалу, то нѣтъ причины требовать большаго и въ области эстетической. Неосуществимость идеала указываетъ на его ложность только тогда, когда эта неосуществимость зависитъ отъ его неопредѣленной расширяемости; ибо въ этомъ случаѣ всякая достигнутая ступень остается по прежнему безконечно далека отъ окончательной цѣли. Но *приближеніе* къ идеалу есть *дѣйствительное достиженіе* его, только *неполное*. Идеалъ оказывается при этомъ цѣлью *возможною*, но только между имъ и всякою достигнутою его степеню всегда остается нѣкоторая разность, простирающаяся отъ реальныхъ препятствій человѣческой природы.

Предполагая, что идеалъ красоты достигнуть настолько, насколько то возможно для человѣческой природы, мы должны теперь обратиться къ разсмотрѣнію вопроса, отъ того или иного разрѣшенія котораго

зависитъ пониманіе какъ самого внутренняго смысла красоты, такъ и положенія эстетики въ кругу другихъ наукъ.

Въ красотѣ мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительностью, а съ показностью той природы, которая признается опытною наукою; то-есть если мы, согласно съ этою наукою, скажемъ, что природа состоитъ изъ *вещей* и *душъ*, то въ этой природѣ, какъ таковой, красоты не окажется. Она окажется явленіемъ, возникающимъ въ моментъ созерцанія вещей душами и внѣ условій этого созерцанія не имѣющимъ никакого смысла. Правда, въ этомъ отношеніи не всѣ виды красоты одинаковы: цвѣта и звуки дѣйствительно не существуютъ въ природѣ независимо отъ нашего ощущенія¹⁾, но пространство и время съ точки зрѣнія опытной науки принадлежать самимъ вещамъ и, слѣдовательно, красота фигуръ, движеній и та часть музыкальной красоты, которая зависитъ отъ ритма, повидимому, не можетъ быть отнесена въ область чистой показности. Однако, необходимо имѣть въ виду, что красота пространственныхъ и временныхъ свойствъ предмета также обусловлена ихъ показываніемъ, въ моментъ котораго въ наблюдателѣ возникаетъ психическая дѣятельность сравненія, измѣренія, воспроизведенія и ожиданія. При отсутствіи сравненія и измѣренія исчезаетъ красота фигуры, опредѣляемая относительнымъ размѣромъ ея частей. При отсутствіи воспроизведенія и ожиданія исчезаетъ красота движенія и ритма, такъ какъ ихъ послѣдующія части оказываются внѣ связи съ предыдущими. Такимъ образомъ вся красота сводится къ показности, то-есть не содержитъ въ себѣ *истины* о природѣ, ни въ чемъ не умножаетъ нашего познанія о *дѣйствительныхъ* свойствахъ *вещей* и *душъ*. Конечно, сама показность, какъ нѣкоторый *фактъ*, можетъ составить предметъ изученія; и этому предмету ничто не препятствуетъ дать наименованіе *эстетики*. Но задача эстетики, при такомъ предположеніи, очевидно, можетъ состоять лишь въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ въ нашей душѣ возникаетъ сознаніе красоты, равно какъ органическихъ и психическихъ послѣдствій такого состоянія сознанія; попытка же въ самомъ содержаніи этого сознанія найти что-либо, кромѣ показности,

¹⁾ Правда, и въ новѣйшее время были высказываемы мнѣнія о независимомъ отъ нашего ощущенія существованіи цвѣтовъ и звуковъ, (напр. *Фехнеромъ*). Но это мнѣніе есть во всякомъ случаѣ гипотеза, выходящая за предѣлы возможности повѣрки ея опытомъ, слѣдовательно, не относящаяся къ опытному пониманію природы.

должна быть оставлена, коль скоро дѣйствительность природы опредѣляется такъ, какъ это дѣлается опытною наукою. Другими словами, эстетика становится при этомъ одною изъ вѣтвей, или, если угодно, приложений опытной психологіи. Такое опытно-психологическое направление дѣйствительно стало господствующимъ въ новѣйшей эстетикѣ, смѣнивъ собою господство прежняго, метафизическаго, направленія, для котораго, въ самой показности своей, красота есть органъ нѣкоторой высшей истины, средство, если не познанія, то созерцательнаго постиженія подлинно-существующаго.

Необходимо согласиться съ тѣмъ, что отрицаніе метафизической эстетики является неизбежнымъ послѣдствіемъ опытнаго пониманія природы. Но является вопросъ, есть-ли это послѣднее пониманіе высшее или окончательное ея пониманіе. Отвѣтъ на этотъ вопросъ для лицъ, хотя мимоходомъ воспринявшихъ современныя философскія вѣянія, повидимому, не представляетъ затрудненія. Я едва-ли рискую ошибиться, если скажу, что даже большинство натуралистовъ согласится съ тѣмъ, что опытная наука имѣетъ дѣло съ природою, какъ съ *явленіемъ*, а не какъ съ дѣйствительностью въ самой себѣ; то-есть, что сама природа въ цѣломъ сводится къ нѣкоторой показности, только показности болѣе постоянной, чѣмъ та показность, которая составляетъ собою красоту. Далѣе, уже меньшимъ, но все-таки значительнымъ большинствомъ будетъ признано, что за природою, какъ явленіемъ, вѣроятно скрывается нѣчто подлинное, не являющееся, именуемое обыкновенно „вещью въ себѣ“. По крайней мѣрѣ, сравнительно весьма немногіе изъ современныхъ мыслителей рѣшительно воспрепятствуютъ употребленію этого понятія и требуютъ строгаго ограниченія лишь тѣмъ, что дано на опытѣ. Такимъ образомъ современное сознаніе несомнѣнно склоняется къ тому, чтобы признать опытно-научное пониманіе природы, хотя необходимымъ и плодотворнымъ, но не окончательнымъ ея пониманіемъ; и въ этомъ смыслѣ отвѣтъ на поставленный мною вопросъ, какъ сказано, не представляется затруднительнымъ. Но собственно въ такой общей и отвлеченной формѣ этотъ отвѣтъ не содержитъ въ себѣ ничего, что бросало бы малѣйшій свѣтъ на вопросъ о возможности метафизической эстетики. Положимъ, что есть нѣкоторая подлинная дѣйствительность, дѣйствительность въ себѣ, служащая основою или подкладкою опытной, являющейся дѣйствительности и совершенно превышающая компетенцію опытной науки. Конечно, признавъ это, мы должны будемъ признать, что изъ этой дѣйствительности проистекають всѣ явленія

природы, въ томъ числѣ и явленіе красоты. Но на какомъ основаніи можемъ мы утверждать, что въ фактѣ красоты намъ эта подлинная дѣйствительность обнаруживается ближе и лучше, чѣмъ въ прочихъ фактахъ природы? Такого основанія, очевидно, нѣтъ. Напротивъ, гораздо правдоподобнѣе выводъ, что постоянный порядокъ природы, какъ онъ устанавливается опытною наукою, гораздо болѣе знакомитъ насъ, если не со свойствами вещей въ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ ихъ закономерностью. Такъ смотреть, на примѣръ, на этотъ предметъ *Герб. Спенсеръ*, утверждающій, что область познаваемого съ ея законами находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ областью непознаваемого, и что, такимъ образомъ, опытная наука даетъ намъ, правда преобразованное, но соотвѣтственное представленіе объ этомъ непознаваемомъ. Поэтому, съ точки зрѣнія, на примѣръ, названнаго мыслителя ожиданіе отъ красоты какого-либо особаго откровенія истины, какого нѣтъ въ опытной науки, было-бы, конечно, чистою нелѣпностью.

Итакъ, для того, чтобы защитить права метафизической эстетики, не довольно еще сказать: сама природа, какъ предметъ опытной науки, есть лишь явленіе, за которымъ скрывается нѣкоторая подлинная дѣйствительность. Для этого необходимо удостовѣрить, что въ содержаніи красоты мы схватываемъ эту дѣйствительность въ нѣкоторомъ отношеніи лучше, вѣрнѣе, чѣмъ то дѣлаетъ точная, опытная наука. И повести это удостовѣреніе мы можемъ лишь такимъ путемъ. Допустимъ, что подлинная дѣйствительность природы, природа сама въ себѣ, намъ совершенно неизвѣстна въ ея *положительномъ* содержаніи. Но уже то обстоятельство, что мы говоримъ: „природа, какъ предметъ опыта, не есть природа сама въ себѣ“, доказываетъ, что мы считаемъ себя въ правѣ образовать сужденіе о природѣ въ самой себѣ со стороны *отрицательной*. Мы не знаемъ, *что такое есть* эта природа; но говоря, что она не есть наша опытная природа, мы высказываемъ сужденіе о томъ, *что она не есть, чѣмъ она не можетъ* быть. Другими словами, въ предметахъ нашего опытнаго знанія, хотя бы мы предположили это знаніе доведеннымъ до высшей возможной степени его усовершенствованія, мы находимъ такіе коренные *недостатки*, которыхъ не можетъ быть въ подлинной дѣйствительности природы; и эти недостатки мы можемъ съ точностью указать. Указавъ же эти недостатки, мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ, почему опытная наука всегда осуждена вращаться въ мірѣ явленій и никогда не можетъ достигнуть подлинной дѣйствительности природы.

Предположимъ теперь, съ другой стороны, что въ созерцаніи красоты если не совсѣмъ устранены, то, по крайней мѣрѣ, весьма смячены, уменьшены именно эти недостатки опытно-научнаго знанія. Не въ правѣ ли мы будемъ тогда сказать, что какія бы преимущества ни принадлежали опытно-научному познанію о природѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ *этомъ* отношеніи эстетическое созерцаніе *ближе* къ высшей истинѣ о природѣ, къ той истинѣ, которую опытная наука должна признать для себя недоступною. Положимъ, что передъ точнымъ и строгимъ голосомъ науки рѣчь эстетическаго созерцанія есть младенческій лепетъ; но вѣдь мы знаемъ изъ словъ Св. Писанія, что сокрытое отъ мудрыхъ и разумныхъ можетъ быть открыто младенцамъ. Если бы оказалось то же и въ примѣненіи къ красотѣ, то были бы восстановлены права отрицаемой и унижаемой нынѣ метафизической эстетики; потому что ея предметъ, красота, представился бы содержащимъ въ себѣ нѣкоторую высшую, философскую истину. И анализъ этого предмета убѣдилъ бы насъ въ томъ, что его содержаніе сводится теоретически не къ одной *иллюзии*, а практически—не къ одной *забавѣ*; но что въ немъ, въ *чувственномъ*, и потому всѣмъ непосредственно-доступномъ видѣ, преломляется и отражается таинственная для разсудка, но ясно говорящая сердцу, высшая сила природы.

Коренная недостаточность опытно-научнаго пониманія природы заключается въ его ничѣмъ неискоренимомъ дуализмѣ *внѣшнему и внутреннему, вещественнаго и психическаго*. Сама опытная наука и не задается попыткою разрѣшить этотъ дуализмъ, но относится къ нему просто, какъ къ факту. Но попытки такого разрѣшенія дѣлаются нерѣдко, хотя не самою опытною наукою, а тою философіею, которая вращается въ области опытнаго пониманія природы, то-есть философіею матеріализма и спиритуализма. Однако, всѣ такія попытки въ концѣ концовъ оказываются неудачными. Матеріализмъ, стремящійся вывести *душу* изъ *вещества*, не можетъ объяснить, какимъ образомъ *внѣшнее, объективное*, можетъ стать *внутреннимъ, субъективнымъ*, проникнуться *чувствомъ, мыслию, сознаніемъ*. Могутъ, пожалуй, сказать, что это затрудненіе возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на всякій внѣшній, вещественный процессъ, какъ на движеніе, такъ какъ дѣйствительно непонятно, какимъ образомъ движеніе можетъ стать сознаніемъ. Но если понимать вещественную силу вообще въ смыслѣ энергіи, не сводя послѣднюю непременно къ энер-

ги механической, то, повидимому, нѣтъ препятствія подвести психическое и вещественное подъ единое общее начало, уразумѣть душу какъ особый видъ энергіи, эквивалентный другимъ ея видамъ. Но очевидно, что такая эквивалентность съ внѣшними явленіями природы можетъ принадлежать психическимъ явленіямъ лишь въ ихъ *объективной* сторонѣ, то-есть поскольку они неразрывно связаны съ извѣстными внѣшними состояніями, служащими имъ какъ бы объективную оболочку, а не въ ихъ специфической *качественности*, которая постигается лишь самонаблюденіемъ и не имѣетъ въ себѣ ничего внѣшняго, пребывающаго въ пространствѣ и времени внѣшняго міра. Кажется ясно, что считаемъ ли мы свѣтъ видомъ движенія, или же, отказываясь отъ всякаго опредѣленія его физической сущности, ограничиваемся только установленіемъ его эквивалентности съ другими явленіями. *субъективная, психическая* сторона свѣтоваго ощущенія остается для физика по прежнему внѣ этой эквивалентности. Но, быть можетъ, послѣдняя восстанавливается для физиолога, поскольку, напримѣръ, иная мѣра физиологической энергіи свойственна ощущенію *зеленаго* и иная—ощущенію *краснаго* цвѣта? Размышленіе показываетъ, что это качественное различіе опять таки стоитъ *внѣ* счета, ибо такое различіе энергіи принадлежитъ лишь *внѣшнему, нервному* процессу, сопряженному съ ощущеніямъ, — и эта истина опять-таки стоитъ совершенно твердо, независимо отъ того, понимаемъ ли мы нервный процессъ, какъ движеніе, или даемъ ему какое-либо иное истолкованіе ¹⁾).

¹⁾ Для распространенія на душевныя явленія начала сохранения энергіи въ общепринятомъ его видѣ требуется, чтобы они въ какомъ-либо *мѣстѣ* соприкасались съ явленіями внѣшней природы, то-есть имѣли существованіе въ ея, объективномъ, пространствѣ. Но такое существованіе можетъ принадлежать лишь объективнымъ коррелятамъ душевныхъ состояній, а не имъ самимъ, какъ таковымъ. Возможно, конечно, что защитники распространенія на душу начала сохранения энергіи возражаютъ, что понятіе „соприкасанія“ само нуждается въ расширеніи, такъ какъ самая способность наполненія пространства есть одна изъ видовъ энергіи, и, стало быть, мыслимы другіе ея виды, безпространственные, относительно которыхъ „соприкасаніе“ и „мѣсто“ должны быть понимаемы лишь въ смыслѣ переносномъ. Но все же, и при такомъ предположеніи, остается различіе субъективнаго и объективнаго, перваго, какъ существующаго лишь для меня, и втораго, какъ существующаго для всѣхъ. Несомнѣнно, что начало сохранения энергіи имѣетъ значеніе *объективное*. Слѣдовательно, если между субъективными и объективными состояніями совершается обмѣнъ энергіи, то субъективные состоянія не только субъективны, но имѣютъ объективную сторону, коею

Равнымъ образомъ, и вещество не можетъ быть сведено на душу. Въ исторіи философіи были двоякія попытки такого сведенія. *Берклей*, исходя изъ того положенія, что всякое бытіе есть бытіе воспринимаемое (*esse=percipi*), заключалъ отсюда, что вещество цѣликомъ разлагается на наши ощущенія, и что, слѣдовательно, вещества, какъ такового, нѣтъ, но существуютъ одни духи. Но такъ какъ и душа, согласно такому взгляду, можетъ существовать, лишь поскольку она воспринимается, то души при этомъ также не оказываются, какъ и вещества, а оказываются одни ощущенія, какъ элементы всего существующаго. Объединеніе вещественнаго и психическаго дѣйствительно достигается, но такимъ путемъ, который, уничтожая то и другое, дѣлаетъ непонятными самыя явленія вещественной и психической природы. А именно, такъ какъ ощущеніе существуетъ только для *меня*, то становится непонятною *общая среда* между мною и *тобою*; ибо если даже допустить, что мы устроены такъ, что при извѣстныхъ условіяхъ возникаетъ согласіе между нашими ощущеніями, то все же остается непонятнымъ, какимъ способомъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ согласіи, если каждый изъ насъ безусловно ограниченъ кругомъ своихъ собственныхъ ощущеній. При такомъ возрѣніи *ты* для *меня* и *я* для *тебя* суть не болѣе, какъ совокупности,—для *меня моихъ*, для *тебя твоихъ* ощущеній; то-есть каждый изъ насъ совершенно замкнутъ въ самомъ себѣ и о другихъ, отличныхъ отъ себя, существахъ ничего не знаетъ. Достоверно существую лишь *я*. а прочіе субъекты, если даже предположить ихъ существованіе, находятся внѣ всякаго общенія со мною, ибо нѣтъ никакой общей среды, которая бы насъ связывала. Итакъ, внѣшняя природа при этомъ не объясняется, а просто отрицается. Но не менѣе того отрицается и внутренняя природа или душа. Допустимъ, что мы безпрекословно и съ полною послѣдовательностью примемъ такое

вступають въ общеніе съ состояніями внѣшней природы. До послѣдняго времени эту объективную сторону душевныхъ состояній называли *веществомъ*, именно, въ частности, веществомъ *мозга*. Нынѣ возникло стремленіе растворить понятіе вещества въ понятіи энергіи. Если такое стремленіе увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то единственнымъ *объективнымъ* субстратомъ всей природы окажется *энергія*; при этомъ условіи сказать, что *есть* психическая энергія, будетъ то же самое, что сказать, что душѣ свойственъ объективный субстратъ, комъ она участвуетъ въ общемъ процессѣ обмѣна энергіи; то-есть въ концѣ концовъ сохраненіе энергіи окажется, по прежнему, принадлежностью не души, какъ таковой, въ ея субъективномъ существованіи, а лишь ея объективнаго обнаруженія въ объективной же природѣ.

положеніе: *существуютъ лишь мои собственныя субъективныя состоянія*. Если эти состоянія *субъективны*, то, значить, есть *субъектъ* или *я*, которому они даны. Но субъектъ не можетъ возникнуть изъ *сложенія* отдѣльныхъ субъективныхъ состояній, потому что при этомъ оказывалось бы, что каждое такое состояніе первоначально *не* субъективно, что противорѣчить условію. Итакъ, для того, чтобы существовало *я*, необходимо, чтобы оно изначала присутствовало при данныхъ ему состояніяхъ. Въ какомъ же видѣ можетъ оно присутствовать? Если въ качествѣ *имманентнаго* элемента каждаго отдѣльнаго состоянія, то-есть такъ, что каждое отдѣльное состояніе обладаетъ своимъ особымъ субъектомъ, то мое *я* окажется суммою множества *я*, суммою такого ихъ числа, сколько есть отдѣльныхъ моихъ состояній. Каждое изъ этихъ *я*, какъ таковое, погружено исключительно въ себя и ни въ какое общее съ другими *я* вступать не можетъ, такъ какъ никакой *общей* связующей ихъ среды, какъ сказано, нѣтъ. Слѣдовательно, какъ же могутъ эти *я* сложиться въ общій непрерывный потокъ сознательной жизни, образовать одинъ *общій* субъектъ? И такъ, при этомъ предположеніи, существованіе меня, какъ единой *души*, непонятно. Отринувъ вещество, мы отринули и душу, и вмѣсто объединенія ихъ погрузились въ полный философскій нигилизмъ. Для того, чтобы, отрицая вещество, сохранить душу, какъ объединяющее начало представляется, такимъ образомъ, необходимымъ понимать мое *я* не какъ результатъ сложенія отдѣльныхъ субъективныхъ состояній, но какъ нѣчто самостоятельное и единое, данное *вмѣстѣ* съ совокупностью этихъ состояній, но изъ нихъ не произтекающее. Однако, при такомъ предположеніи, также не получается никакой выгоды отъ разбираемаго теперь спиритуалистическаго взгляда въ смыслѣ объединяющемъ явленія вещественнаго и духовнаго міра. Природа понимается при этомъ, какъ рядъ субъективныхъ состояній, предстоящихъ нѣкоторому, данному вмѣстѣ съ ними, но ни въ чемъ съ ними внутренне не связанному и ничѣмъ не управляющему субъекту; то-есть тотъ дуализмъ, который первоначально данъ между *веществомъ* и *душою*, восстанавливается въ равной силѣ въ сферѣ моей субъективной жизни между отдѣльными состояніями этой жизни и мною, какъ субъектомъ. Задачею спиритуализма было вывести или объяснить вещество изъ души. Но превративши послѣднюю въ чисто-формальное начало, какимъ представляется мое *я*, онъ ничего вывести изъ него не можетъ и поэтому, говоря: „вещество есть лишь *мое* ощущеніе“, самое это „ощущеніе“ оставляетъ въ прежней отдѣльности и независимости отъ „меня“. Какое же оно *мое*, когда ни

происхожденіемъ, ни теченіемъ его мое я не управляетъ? Сказать ли, что вещественный міръ есть извѣстный порядокъ *атомовъ*, или что онъ есть извѣстный порядокъ *ощущеній*, для меня все равно, коль скоро этотъ порядокъ есть въ отношеніи *меня* нѣчто внѣшнее, независимое и непонятное.

Для спиритуализма, коль скоро онъ имѣетъ въ виду объяснить или вывести вещество изъ начала духовнаго, необходимо поэтому понимать послѣднее начало не какъ только познающее или содержащее, но какъ дѣятельное, производящее. Начало этого взгляда было положено въ новой философіи *Лейбницема*, по которому всѣ вещи состоятъ изъ *монадъ*, особой психической природы, одаренныхъ способностью стремленія и самодѣятельно производящихъ изъ себя все свое содержаніе.

Но полного расцвѣта динамическій спиритуализмъ достигъ въ послѣ-кантовской философіи, приобрѣтя наибольшую популярность въ ученіяхъ *Шопенгауера* и *Гартмана* о *воли*, какъ о единственной силѣ, производящей не только духовныя, но и вещественныя явленія. Это ученіе дѣйствительно разрѣшало бы задачу принципиальнаго объединенія вещества и духа, если бы терминъ „воля“ въ данномъ случаѣ хотя что-нибудь объяснялъ. Но внутренній опытъ не указываетъ намъ, чтобы „воля“, то-есть сознаваемое нами состояніе усилія, *производила* хотя какое-либо явленіе нашей души, не говоря уже о томъ, что самая природа „сознанія усилія“, то-есть: есть ли это состояніе сознанія простое или сложное, основное или производное, психологіею еще далеко не выяснена, да и неизвѣстно, будетъ ли она когда нибудь выяснена. Поэтому, если въ области прямого наблюденія надъ волею мы не усматриваемъ въ ней никакой производящей силы, то непонятно, чего же достигаемъ мы, когда, перенося понятіе „воли“ на внѣшнюю природу, объявляемъ, что всякая ея сила не что иное, какъ воля. Вещество съ его явленіями остается при этомъ при прежней необъясненности, и разрѣшеніе дуализма внѣшней и внутренней природы получается лишь кажущееся, словесное.

Такимъ образомъ всѣ попытки объединить понятіе природы въ общемъ для вещества и души началъ на основаніи категорій, почерпнутыхъ изъ опыта, не приводятъ къ удовлетворительному результату.

И однако, мышленіе предъявляетъ требованіе объединяющаго взгляда на природу, постиженія такой ея *причины*, которая порождаетъ бы и вещество, и душу. Ибо если нѣтъ такой общей причины, то нѣтъ и *дѣйствительной* связи между вещами и душами, нѣтъ

никакого между ними взаимодѣйствія, а слѣдовательно, непонятна и самая *чувственность*, которая есть результатъ такого взаимодѣйствія. Опытное пониманіе природы, исходя отъ факта ея чувственного воспріятіе, приводитъ къ *непонятности* этого факта, стало быть, оставляетъ непонятнымъ возможность самого этого пониманія. Для того, чтобы понять возможность чувственности, необходимо понять возможность перехода вещественнаго въ духовное; но при рѣзкомъ дуализмѣ, устанавливаемомъ между ними опытною наукою, такая возможность непонятна; и слѣдовательно, пониманіе природы *этою* наукою не удовлетворяетъ высшему требованію мышленія.

Намъ могутъ возразить, что взаимодѣйствія между вещами и душами, быть можетъ, и нѣтъ, но существуетъ лишь параллелизмъ или соотвѣтствіе между вещественными и психическими процессами природы, вслѣдствіе котораго состоянія вещества отражаются въ душѣ и наоборотъ. Это ученіе, носящее названіе *окказіонализма*, было высказано уже давно; и дѣйствительно, для опытной науки иного рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса не можетъ и быть. Но именно такая необходимость этого рѣшенія и доказываетъ, что *надъ* опытнымъ пониманіемъ природы должно стоять ея высшее, умозрительное пониманіе. Положимъ, что вещи и души такъ приспособлены однѣ къ другія, что, безъ всякаго между ними взаимодѣйствія, въ душахъ возникаютъ образы вещей, а движенія вещей выражаютъ собою волевыя состоянія душъ. Но этотъ порядокъ, проникнутый столь удивительною цѣлесообразностью, не свидѣтельствуетъ ли о разумной цѣлесообразности всего строя природы, то-есть о *высшемъ началѣ*, общемъ я вещамъ и душамъ и управляющемъ ими? А это высшее начало очевидно не составляетъ предмета опыта. Такимъ образомъ попытка укрыться подъ сѣнь окказіонализма прямо приводитъ насъ отъ опытнаго пониманія природы къ ея *умозрительному* пониманію, какъ *единого цѣлаго*.

Несомнѣнно, что признаніе высшаго начала, объединяющаго вещество и душу, есть необходимое требованіе нашей мысли. Несомнѣнно также, что это требованіе *неисполнимо* въ предѣлахъ и средствами *нашего опытнаго знанія*. Такое высшее пониманіе природы можетъ быть лишь *умозрительнымъ*, въ *идеѣ*, то-есть совершаться чрезъ понятія, въ которыхъ совершенно отвлечено отъ всякаго опытнаго содержанія, отъ всего воспринимаемаго и представляемаго. Это пониманіе можетъ быть раскрыто лишь въ *результатѣ* философствованія о природѣ, а не выставлено предварительно, какъ нѣчто готовое и окончательное. Находя, поэтому, что *изложеніе идеи природы* было

бы преждевременно и не обосновано, мы можемъ, однако, установить *чисто формальныя*, не касающіяся содержанія понятій, отношенія природы, понимаемой съ высшей точки зрѣнія, къ свойству *красоты*. Это отношеніе, съ одной стороны, повидимому, еще отдаленнѣе, чѣмъ отношеніе къ красотѣ природы въ ея опытно-научномъ опредѣленіи. Хотя вещи и души, какъ таковыя, не прекрасны, но все же онѣ характеризуются чувственными свойствами, и въ этомъ смыслѣ созерцаніе ихъ родственно содержанію нашего эстетическаго содержанія. Природа же, какъ предметъ умозрѣнія, мыслимая въ ея *идеѣ*, лишена всякой чувственной представимости, стало быть, даже отдаленнаго подобія съ чѣмъ-либо, что мы именуемъ красотой. Поэтому, умозрительное пониманіе природы, повидимому, еще далѣе отъ эстетическаго ея пониманія, чѣмъ пониманіе опытное. Но ближайшее изслѣдованіе вопроса обнаруживаетъ неправильность такого заключенія.

Прежде всего надлежитъ имѣть въ виду, что идея *природы* не есть идея Бога. Бога мы мыслимъ, какъ безусловно-первое, въ которомъ, поэтому, и все содержаніе вполнѣ обосновано въ Немъ же самомъ. Природа же, какъ произведеніе Бога, имѣетъ содержаніе, Имъ обоснованное, а въ отношеніи къ природѣ *данное* ей. Слѣдовательно, и тогда, когда мы мыслимъ природу не такъ, какъ она представляется нашему опыту, а такъ, какъ она есть *сама въ себѣ*, мы мыслимъ ее все же съ нѣкоторымъ *даннымъ* въ ней содержаніемъ, какъ бы съ нѣкоторою первичною ея *чувственностью*, хотя для насъ и не представимою. Здѣсь открывается извѣстная аналогія съ красотой, хотя и не дающая намъ права сказать, что природа въ себѣ, въ своемъ умопостигаемомъ содержаніи, прекрасна, но позволяющая намъ утверждать, что въ эстетическомъ созерцаніи мы имѣемъ нѣкоторое подобіе того, какъ относится природа въ себѣ къ данному въ ней содержанію.

Далѣе, считая теперъ невозможнымъ излагать самое содержаніе идеи природы, мы можемъ, однако, сказать, что въ этомъ содержаніи долженъ разрѣшаться тотъ дуализмъ вещества и души, вслѣдствіе котораго красота опытныхъ предметовъ оказывается не ихъ собственною принадлежностью, а лишь внѣшнимъ покровомъ, наложеннымъ на нихъ нашимъ созерцаніемъ. Слѣдовательно, умопостигаемое въ идеѣ содержаніе природы мыслится нами какъ возвращеніе къ той непорозненности вещественнаго и психическаго, которая составляетъ основной атрибутъ красоты. Въ созерцаніи красоты дано какъ бы предварительное предчувствіе той истины единства вещественнаго и психическаго, къ которой мы затѣмъ приходимъ умозрительно. Та-

къмъ образомъ, въ этомъ отношеніи, эстетическое созерцаніе, хотя еще въ примитивномъ и невыработанномъ видѣ, содержитъ въ себѣ больше истины о природѣ, чѣмъ послѣдующее опытное знаніе.

Итакъ мы приходимъ теперь къ слѣдующему выводу: въ красотѣ мы имѣемъ дѣло съ еще непорозненнымъ на вещество и душу, цѣлостнымъ образомъ природы; это воззрѣніе на природу разлагается опытнымъ знаніемъ, для котораго природа есть совокупность вещей и душъ, а красота есть субъективный миражъ, возникающій чрезъ созерцаніе вещей душами; затѣмъ, умозрительное пониманіе природы восстанавливаетъ ея цѣлостность, уже какъ окончательную, и обнаруживаетъ, поэтому, такой смыслъ красоты:

Красота есть чаемая и любимая нами, въ чувственномъ образѣ природы, ея сверхчувственная цѣлостность.

Какое же заключеніе вытекаетъ изъ сказаннаго о мѣстѣ эстетики, какъ науки о прекрасномъ, въ кругу прочихъ наукъ? Мы уже говорили о возможности двухъ направленій въ эстетикѣ: *психологическаго* и *метафизическаго* (философскаго). На основаніи полученныхъ нами выводовъ мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что эти два направленія должны находиться не въ отношеніи *антагонизма*, а въ отношеніи *правильнаго подчиненія*, именно подчиненія психологическаго направленія, какъ низшаго, метафизическому направленію, какъ высшему. Задачи психологической эстетики совершенно законны и выполненіе ихъ необходимо. Психологія въ правѣ и обязана изслѣдовать тѣ душевныя состоянія, которыя составляютъ собою эстетическое созерцаніе, а также являются его результатами, и чѣмъ болѣе будетъ произведено въ этомъ направленіи опытныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе будетъ пользы для науки, для художественной техники и для эстетическаго воспитанія. Но эти изслѣдованія все же не даютъ ключа къ самому *понятію* красоты и къ вполне обоснованной, принципиальной ея опѣнкѣ, такъ какъ *высшая истина* красоты и смыслъ влекущей насъ къ ней *идеальной цѣли* находятся *надъ* областью опытнаго знанія и для него непонятны и недоступны. Поэтому, въ высшемъ своемъ значеніи эстетика должна быть наукою метафизическою, какою она и была у лучшихъ своихъ представителей.

Обращаясь теперь къ вопросу о томъ, какое мѣсто должно принадлежать эстетикѣ въ системѣ *философскихъ* наукъ, мы, не вдаваясь въ критику существующихъ на этотъ предметъ разнообразныхъ взглядовъ, постараемся выяснитъ его въ связи съ сказаннымъ выше о *понятіи* красоты. Если, какъ мы старались выяснитъ, въ красотѣ дана—въ формѣ *чанія*—нѣкоторая *истина о природѣ*, то мѣсто эсте-

тики, какъ науки о красотѣ,—въ системѣ философіи природы; и именно, въ этой системѣ эстетика составляетъ *первую* часть. Въ поясненіе и оправданіе сказаннаго я позволю себѣ привести слѣдующія соображенія.

Философія, какъ наука о *сущемъ* въ широкомъ значеніи этого слова, то-есть не только о безусловно-сущемъ, но и объ условно-сущемъ (поскольку послѣднее приводится къ первому, какъ къ своему источнику), рассматриваетъ сущее въ *трехъ* послѣдовательно развивающихся въ мышленіи его опредѣленіяхъ. Во-первыхъ, она рассматриваетъ сущее въ его цѣлостномъ, еще не порозненномъ мыслію видѣ, относится къ сущему *положительно*, не вводя въ его понятіе никакихъ моментовъ различія и отрицанія: въ этомъ смыслѣ сущее я обозначаю терминомъ *сущность*. Во-вторыхъ, такъ какъ требованіе мышленія состоитъ въ проникновеніи въ его предметъ, что предполагаетъ различеніе предмета по его элементамъ, ихъ противоположеніе одного другому, выражающееся логически функціою *отрицанія*, то мышленіе совершаетъ анализъ, раздѣленіе понятія сущаго, отличающаго въ немъ *постоянное* отъ *измѣнчиваго*, первое какъ *субстанцію*, второе—какъ ея *модусы*, возникающіе черезъ *процессы* ея измѣненія. Въ-третьихъ, мышленіе восстанавливаетъ первоначальное единство сущаго, но уже не какъ непосредственное, чуждое всякаго различія, а какъ преодолевшее, примирившее въ себѣ различія, какъ членораздѣльный, многообразный и вмѣстѣ цѣлостный организмъ, объединенный понятіемъ *причинающей, производящей силъ*. *Сущность, субстанція* съ процессомъ ея *модификаціи* и дѣятельная, *всесвязующая и всепроизводящая сила*—таковы тѣ ступени, по которымъ мышленіе развиваетъ или изслѣдуетъ понятіе сущаго.

Такая же послѣдовательность частей должна принадлежать и *системѣ философіи природы*. *Содержаніе* понятія природы доставляется чувственностью, но мышленіе стремится внести въ это содержаніе начала ума, возвести понятіе природы къ ея *идеѣ*, то-есть понять ея чувственный строй, какъ порожденіе или произведеніе сверхчувственной силы. Эта сила составляетъ то *сущее*, которое должно быть постигнуто мыслію за многообразіемъ чувственнаго содержанія природы, какъ высшее, основное единство и дѣйствительная связь этого содержанія, и постигнуто по тѣмъ же ступенямъ, какія вообще существуютъ для мысли при изслѣдованіи сущаго. На первой ступени это содержаніе открывается мысли въ своей непорозненности, въ которой субъектъ еще погруженъ въ объектъ и слить съ нимъ, вещество не отдѣлено отъ духа, воля не заявляетъ своихъ стремленій за полнымъ

удовлетвореніемъ чувства въ чувственномъ воспріятіи: эта ступень есть ступень *эстетическаго созерцанія*, ступень отношенія къ природѣ, какъ къ *прекрасной*. Вторая ступень есть ступень необходимо возникающаго *анализа и борьбы* въ природѣ. Непосредственная ея цѣлостность разлагается въ процессѣ многообразныхъ модификацій ея элементовъ (субстанцій), вещественныхъ и психическихъ, составляющихъ для мышленія какъ предметъ теоретическаго изслѣдованія (въ опытной наукѣ), такъ и предметъ выработки практическаго руководства для воли въ ея состязаніи съ природою (въ руководимой этою наукою технической и общественной дѣятельности).

Въ результатъ такого отношенія къ природѣ получается извѣстная система *законовъ и правилъ*, служащая для предвидѣнія явленій природы и для наставленія въ томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать при ихъ наступленіи. Но—какъ и было объяснено выше—цѣлостнаго и единаго взгляда на природу, а стало быть и на положеніе въ ней чловѣка, при этомъ получиться не можетъ, такъ какъ произведенный этимъ путемъ анализъ природы не восходитъ къ ея сверхъопытнымъ началамъ, къ той *дѣйствительной* силѣ, которая производитъ и связываетъ ея явленія. Отсюда возникаетъ необходимость *третьей*, заключительной и высшей части философіи природы, которая и составляетъ эту философію въ тѣсномъ значеніи такого слова, и которая разрѣшаетъ въ себѣ противоположность первыхъ двухъ частей—воззрѣнія на природу, какъ на цѣлостную, и пониманія элементарной связи и закономерности ея процессовъ.

Итакъ, эстетика есть *первая* часть философіи природы, рассматривающая ее по категоріи *непорозненнаго еще ея единства* или *сущности*. *Сущность природы, открывающаяся чрезъ любовное созерцательное въ нее погруженіе, и дана намъ въ красоту*, а наука, имѣющая это погруженіе предметомъ своего познанія и размышленія, есть *эстетика*.

Красота, какъ чувственное чаяніе сверхъчувственнаго, какъ сущность природы, постигаемая чрезъ непосредственное чувственное ея созерцаніе, заключаетъ въ себѣ какъ бы въ невыясненномъ, не раскрышемся для мысли видѣ, какъ бы въ намекахъ для нея, всю совокупность познанія о природѣ. Именно это обстоятельство и дѣлаетъ столь трудною науку о красотѣ. Чѣмъ болѣе наша мысль погружается въ изслѣдованіе красоты, тѣмъ болѣе поражаемся мы обиліемъ и глубиною даннаго въ послѣдней содержанія; но это содержаніе дано не въ ясно-очерченныхъ, отчетливыхъ понятіяхъ, а въ намекахъ для мысли, сливающихся въ своихъ границахъ и ускользящихъ отъ точ-

наго опредѣленія. Если красота есть *радость* для созерцанія, то она есть *мука* для мысли, потому что она всесторонне возбуждаетъ ее и не даетъ ей удовлетворенія. А такъ какъ всякій человѣкъ не только созерцаетъ прекрасное, но и мыслить о немъ, то для всего человѣческаго духа въ его совокупности оно одновременно есть источникъ и полнаго насыщенія и ненасытимой жажды. Природа является намъ въ красотѣ и наивнымъ младенцемъ, дающимъ открытый и полный отвѣтъ, и вѣчнымъ сфинксомъ, стоящимъ передъ нами, какъ не разрѣшенная загадка.

Загадка красоты не только *не разрѣшена* для ея мыслящаго созерцанія, но она *въ своей полнотѣ* вообще неразрѣшима и для *умозрѣнія*. Вполнѣ разрѣшить эту загадку умозрительно значило бы *построить, создать* красоту изъ сверхчувственныхъ началъ или элементовъ природы. Но такой силы наше умозрѣніе не имѣетъ; оно *постигаетъ* эти начала въ ихъ *идеѣ*, но не имѣетъ силы превратить ихъ *идеальное бытіе* въ *чувственное существованіе*. И, однако, такое превращеніе, недостижимое для мысли, *фактически дано намъ въ созерцаніи*. Поэтому наше мышленіе стоитъ предъ красотою не только какъ предъ *низшею* сравнительно съ нимъ ступенью въ познаніи природы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ предъ *чѣмъ то высшимъ и таинственнымъ*.

Красота есть для мысли *великая тайна природы*, такъ какъ въ красотѣ таинственною и сокровенною для насъ силою *сверхчувственное созерцается чувственно*. Она влечетъ мышленіе въ неизслѣдимую для него глубину. Но эта глубина *ясна, свѣтла и прозрачна* для созерцанія. Поэтому именно въ прекрасномъ мы находимъ законную область *мистики*, требованіе которой — „не только *мысли*, но *созерцай* сверхчувственное“ — исполняется единственно въ созерцаніи красоты. Только нужно имѣть въ виду, что это созерцаніе имѣетъ своимъ предметомъ не Бога, а природу. Правильнѣе, впрочемъ, сказать, что поскольку основное начало и вѣчная тайна природы заложены также въ Богѣ, это созерцаніе имѣетъ своимъ предметомъ *откровеніе Бога въ природѣ и чрезъ природу*.

Поэтому, окончательное опредѣленіе красоты таково:

Созерцаніе красоты есть мистическое погруженіе въ сущность природы.

Н. Г. Дебольскій.